

Анна АХМАТОВА

Пушкин и дети

Хотя Пушкин сам меньше всего представлял себя «детским писателем», как теперь принято выражаться, хотя его сказки вовсе не созданы для детей и знаменитое «Вступление» к «Руслану» тоже не обращено к детскому воображению, этим произведениям волею судеб было суждено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми.

Нет и не было ни одной говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет. Но все мы бесчисленное количество

раз слышали от 3-летних исполнителей «Кота ученого» и «Ткачиху с поварихой» и видели, как розовый пальчик тянулся к портрету в детской книге: и это называлось «дядя Пускин».

В 1937 г., в юбилейные дни, соответственная комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на П-ской ул. в Ленингра-

де... Послали грузовик—кран—вообще все, что полагается в таких случаях.

Но затем произошло нечто беспримерное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить, куда следует, и спросить: «Как быть?» Ответили: «Оставьте им памятник», — и грузовик уехал пустой...

* Когда Пушкина попросили написать что-нибудь для детей, он пришел в столь свойственную ему ярость: «Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне содействовать «Детскому журналу»? Уж и так говорят, что я в детство впадаю...» (из письма А. С. Пушкина к В. Ф. Одоевскому. Декабрь 1836 г. — Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. X. М., 1965, с. 616). Содействовать — каламбур: дурак (фр.), там же, с. 757.

** «Конька-Горбунка» Ершова тоже знают и любят. Однако я никогда не слышала «Дядя Ершов!» А вы?

*** Поставленный в 1884 году в той части города, которая еще не существовала в пушкинское время.

Лев ОЗЕРОВ

Пушкинские штудии
Анны Ахматовой

Тихо, но внушительно Анна Андреевна сказала:

— Прошу вас, остановитесь. Что с вами? Нельзя же так сильно нажимать на перо. Пригасите! Если уж говорить об этом, то только как о далеком-далеком отсчете. Будьте осторожны в отношении Пушкина, избегайте прямых подобострастных сравнений.

Речь шла о моей статье, которую я рискнул прочитать той, которой статья посвящена. Анна Андреевна Ахматова слушала так, как она одна умела слушать: спокойно, напряжение скрыто, с достоинством, так, словно речь шла о другом человеке. После реплики продолжать чтение было трудно, просто невозможно. И все же я дочитал свою статью, которую, придя домой, начал расшвыривать и марать.

Для Ахматовой на протяжении всей ее жизни Пушкин был источником света. В его недостижимости была для творца XX века какая-то влекущая сила. И этой силе Ахматова отдала много лет и внимания. Она читала, сопоставляла, думала, делала выводы, которые все время корректировала. Но прежде всего читала. В ее лице мы видим гениального читателя, постоянно погруженного в бездну текста, з то, что за ним, под ним, над ним в то, что остается тайной. Ахматова глядызлась в тайну Пушкина, желая ее постигнуть.

Тайна Пушкина не давала покоя Анне Ахматовой — поэту и ученому. Она располагала огромным материалом, которым распорядилась бережно и умно. Ее задача была снять с портрета Пушкина пыль десятилетий и освободить великого поэта от кривотолков, обретших живучесть и популярность.

«ТАЙНЫ» — слово нередкое в сочинениях Анны Ахматовой. За этим словом скрыт глубокий, далеко не мистический смысл. Тайны бытия. Тайны искусства. «Тайны ремесла» — цикл стихотворений. Среди тайн, всю жизнь волновавших и привлекавших Анну Ахматову, был Пушкин.

Как аллея Царскосельского, ныне Пушкинского, сада, проходит через всю жизнь Анны Ахматовой образ Пушкина. От стихотворения 1911 года «Смуглый отрок бродил по аллеям...» через стихи «Здесь Пушкина изгнание началось...» (1927), «Кто знает, что такое слеза!..» (1943) и другие к «Городу Пушкина» (1957). Так же и с прозой — статьи, эссе, записи.

В автобиографии «Коротко о себе» (1965) за год до смерти Анна Андреевна Ахматова сообщает: «Я не переставала писать стихи». За этим сообщением — душевная драма. Верно, она не переставала писать стихи, переводить, писала мемуарные очерки и исследования. Она писала, но ее не печатали, особенно после речи А. Жданова (1946). Длительно находясь в бедственном положении, еще не нашедшем отражения в нашей печати, Анна Ахматова занималась (особенно в двадцатые—тридцатые годы) архитектурой старого Петербурга и историей литературы, предпочитательно пушкиноведением. Я никогда не слышал из уст Анны Андреевны жалоб. Защищая честь рабочего, постоянно творящего человека, она продиктовала мне по годам перечень ее созданий и список невышедших книг. Упомянула среди прочего несохранившуюся поэму «Русский Трианон» с оставшимися отрывками и напечатанным в книге 1946 года описанием парка.

У Анны Андреевны не только изящест-

во и тонкость в манере письма, но и сильный аналитический ум, самостоятельная дума, и терпение, и воля. Это явлено в ее статьях.

«Слово о Пушкине» открывает серию ахматовских статей, подготовленных и изученных другом поэта и вдумчивым исследователем Э. Г. Герштейн. Именно ей принадлежит большая заслуга по подготовке книги статей и заметок Анны Ахматовой о Пушкине. Судьба этих статей моделирует судьбу автора. Анна Андреевна говорила мне не раз о том, что уже завершенная рукопись книги попала в беду: в новой квартире, которой Ахматова, в сущности, не пользовалась, прорвало трубу, и вода залила рукописи. В том числе книгу о Пушкине, текст оказался размытым. Э. Г. Герштейн приводит свидетельство Ахматовой: две статьи «Пушкин и Мицкевич» и «Пушкин и Достоевский» пропали в блокаду. В ноябре 1945 года, после войны, Ахматова сообщила в «Литературной газете»: собирается книга заметок о Пушкине. Их всего двадцать пять. «Среди них и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения за эпистолярным стилем Пушкина, и о красочном эпитете у Пушкина». В 1959 году, как показывает Э. Г. Герштейн, было составлено аннотированное «Оглавление» заметок, теперь их было уже не 25, а около 50. Книга разнообразна и разнообразна: здесь и последняя сказка Пушкина, и его «Каменный гость», здесь «Пушкин и Невское взморье», и «Болдинская осень» (8-я глава «Онегина»).

Открывает книгу «Слово о Пушкине» — оно должно было завершить работу «Гибель Пушкина», которую в поздние годы Анна Ахматова пересматривала. «Слово о Пушкине» действительно является новым словом о нем. Доселе говорилось (в том числе известным пушкинистом, автором книги «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголевым), что они — враги и так называемые друзья — сделали с Пушкиным. А теперь настала пора показать (у Ахматовой «громко сказать») о том, что он сделал с ними.

Лаконизм Анны Ахматовой — не только важнейшее свойство стиля, но и черта поэтического характера. С первых шагов Ахматова — мастер малых лирических форм: в большинстве своем это три-четыре четверостишия, пять попадает редко, больше семи не бывает. Взлетная площадка мала, но поэтическая мысль совершает высокий полет. Это относится и к прозе. Академик В. М. Жирмунский отмечает эпиграмматичность словесной формы Анны Ахматовой.

Этой сжатостью при остроте мысли, этой эпиграмматичностью отличается и «Слово о Пушкине». Две страницы, а материала на несколько докторских диссертаций. Здесь и любовь к Пушкину, и ненависть к его убийцам. Здесь догадка вдумчивого исследователя и пристрастие поэта, через десятилетия почувствовавшего боль и трагедию великого предшественника.

Злейшие его враги — голландский дипломат Геккерн, презренный Дантес, интриганка Полетика, царедворец Строганов, жена министра иностранных дел при Николае I Нессельроде и другие изучены Ахматовой с возможной полнотой. К ним добавлены так называемые друзья поэта, когда была найдена переписка Карамзинных. Изучавшиеся причины гибели поэта обрастали все новыми фактами. Их много. Они требовали от исследователя тщательности и вдумчивости, умения корректировать свои наблюдения и не спешить с выводами. Анна Ахматова умела не спешить. И концепция гибели Пушкина и ее последствий четко, до лапидарности научной формулы ясно выражена в «Слове о Пушкине».

«Слово о Пушкине» — образец гневной инвективы и одновременно песни в честь поэта-победителя. Как стихотворение в прозе, это слово о Пушкине хочется заучить наизусть.

Один пример. Много раз в жизни мы читали «Маленькие трагедии» Пушкина, а среди них — «Каменного гостя». Знаем, что Дон Гуан гибнет от пожатия руки Командора. У предшественников Пушкина Командор — отец Донны Анны, у Пушкина — муж ее. Трагизм обстоятельств тем усугублен. Смысл трагедии впервые вскрыт Анной Ахматовой: «...Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье». Счастье наконец пришло к Дон Гуану, и он должен погибнуть. Это вычитать можно было только в итоге многолетних раздумий, сопоставлений, выводов. Легко сказать — «вычитать». В этом чтении много от интуиции, помноженной на огромные знания. Анна Андреевна рассказывала нам, что тщательно изучала французские книги, прочитанные Пушкиным, пометки его на книгах. Эта работа позволила Ахматовой сделать далеко идущие выводы о традициях французских поэтов в творчестве Пушкина.

Параллельные характеристики творцов — занятие сложное, требующее постоянного и притом пристального внимания. Две работы Ахматовой — «Пушкин и Мицкевич» и «Пушкин и Достоевский», обозначенные в ее записях, до сих пор не найдены.

По приблизительным подсчетам Ахматова увлеченно занималась изучением Пушкина свыше сорока лет. «1924 (год). Начало Пушкинизма в Мраморном дворце (Andre Chenier)», где Анна Андреевна

жила в служебной квартире. Далее она записывает: «Григорий Александрович Гуковский. Беседы с ним о Пушкине». Собеседник Ахматовой — блестящий ученый, знаток литературы XVIII века, много сделавший для познания Пушкина (работы «Пушкин и русские романтики», «Пушкин и проблемы реалистического стиля»). Загублен в пору расцвета творческих сил (репрессирован в 1949 году).

Искусством собеседования Анна Андреевна владела в той же мере, как и искусством чтения-познания. Она не участвовала в модных ныне «круглых столах», симпозиумах, конференциях, чтениях. Все проходило проще, по старинке, как при отцах и дедах. Собеседование за домашним столом или в креслах. Мне посчастливилось присутствовать на ее беседах с двумя академиками — В. М. Жирмунским и В. В. Виноградовым. Это были не чувствительные вздохи о Пушкине, к которым подчас сводятся ему посвященные вечера и лекции, а серьезное собеседование равных или равновеликих. Все трое ценили и берегли слово. Оба академика тотчас же умолкали, как только начинала говорить Анна Андреевна. Не потому, конечно, умолкали, что говорили женщина. Они знали, кто говорит. Выношенные мысли, самостоятельность выводов, дар полемиста, подчас очень скрытного, это признавали многие из пушкинистов, в том числе такой сокрушительной эрудиции человек, как Б. В. Томашевский (на книге, подаренной А. А. Ахматовой, он сделал надпись: «Анне Андреевне Ахматовой — лучшему знатоку Пушкина. 30 ноября 1955 года»).

Анне Ахматовой было свойственно о тайнах души человека, поэзии, о тайнах Пушкина говорить с математической точностью. У Пастернака есть такое выражение: «храни живую точность: точность тайн». Ахматова владела этой «точностью тайн» настолько, что вся система ее догадок и доказательств выстроена строго математически. Так сочетаются два способа познания мира — художественный и научный. Сочетаются в интуиции поэта, пишущего о другом поэте.

Стихи Анны Ахматовой, посвященные Пушкину, статьи о нем образуют важнейший творческий цикл, обогативший и украсивший нашу культуру.

БОЛЬШИЕ ВЯЗЕМЫ. В двух верстах отсюда в селе Захарове с 1806 по 1811 год летом у бабушки М. А. Ганнибал жил А. Пушкин

Фото А. ТВЕРСКОГО